

УДК 811.131.1 Гуарески-7 + 94(450)

О. А. Гуревич

ЦЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВСТВЕННЫЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ ДЖОВАННИНО ГУАРЕСКИ

Писатель и журналист Джованнинно Гуарески сыграл важную роль в культурном и политическом процессе в Италии середины XX в. Его творческий путь начался при фашистском режиме, а расцвет пришелся на время становления послевоенного государства — Итальянской Республики. На протяжении десятилетий он считался главным политически-ангажированным итальянским автором-реакционером. Однако внимательный анализ позволяет выявить совсем иную, этическую основу его политических выступлений. Данная статья посвящена поэтапному рассмотрению политического и этического в творчестве Гуарески и того, как политические мотивы определяли рецепцию его творчества в Италии.

Ключевые слова: политика; журналистика; художественная проза; юмор; литература узников.

Творчество итальянского писателя, художника и журналиста Джованнинно Оливьеро Гуарески (01.05.1908–22.07.1968) — особое явление в итальянской культуре. Гуарески один из самых читаемых авторов в XX в. Главное его произведение — цикл из 347 рассказов под общим названием «Малый мир» (1945–1965) — переиздавалось десятки раз, переведено на сотню языков и пользуется неизменным читательским спросом. Издаваемый им юмористический еженедельник «Кандидо» имел миллионные тиражи. Его тексты и рисунки оказывали влияние на итальянскую политику. В то же время до начала нынешнего века его имя не упоминалось в учебниках по литературе, его произведения не входили в антологии. В демократической Италии были тайно уничтожены все теле- и аудиозаписи из архива итальянской телерадиокомпании, помеченные его именем. Каждый итальянец знает его имя и героев его главного произведения, но до сих пор регулярно отклоняются проекты посвященных ему дипломных работ и диссертаций.

Это загадочное умолчание, а часто и открытое неприятие начало сменяться интересом только 10–15 лет назад, и объясняется оно обособленностью Гуарески в итальянской культуре.

Причина такой обособленности в том, что одна из базовых ценностей творчества Гуарески — противостояние всякой идеологии и партийности. Любая партия для Гуарески по определению зло — попытка снять с себя личную ответственность, «сбросить свой мозг в общую кучу». Такой взгляд не всегда был характерен для Гуарески. Он пришел к нему, пройдя долгий путь и пережив большие потрясения.

До войны, как и после войны, Гуарески совмещал журналистскую и писательскую работу. Начиная в Парме, с 1927 по 1936 г. сотрудничал со всеми основными пармскими газетами, писал городскую хронику. Этот период был насыщен фашистской риторикой, но в репортажах Гуарески мы не увидим

практически ни малейшего отблеска режима. Городские портреты: дежурный врач, аптекарь, нищий... Описания городских балов и новой системы сбора и вывоза мусора, автомобильные происшествия и мелкие ссоры на улицах. Анализ событий культурной жизни тоже вполне свободен от идеологических рамок. Свое журналистское пространство Гуарески в те годы охраняет от политической риторики, высказывание политических суждений ему решительно не свойственно: «Выражать публично свое мнение и, более того, заявлять о нем официально — это все равно, что подписывать огромный вексель» [Guareschi, 1934, p. 7], писал он в 1934 г. Желая выразить главное в окружающей жизни, он готов видеть только бесконечно повторяющееся в каждодневном, а быстротекущих материй — политики и социальной тематики — просто не замечает.

В 1936 г. Гуарески пригласили сотрудничать в новое миланское юмористическое издание, «Бертольдо». В условиях фашистской цензуры юмористический журнал, казалось бы, обречен был захиреть. Но парадоксальным образом «Бертольдо» расцвел, стал популярным. В нем собрались лучшие юмористические авторы того времени, писатели (Джованни Моска, Карло Мандзони, Массимо Симили) и художники (Саул Стейнберг, Витторио Мец, Вальтер Молино). Совсем уйти от актуальных политических тем или пренебречь министерскими указаниями (по поводу войны в Эфиопии, речи Дуче, заключения какого-нибудь договора) они не могли, но, выполняя требования, старались обесмыслить официоз, довести его до полного абсурда. Соревнуясь в изобретательности и фантазии, они создали новую школу юмористики и впоследствии прославились в разных сферах культуры.

Авторы «Бертольдо» и Гуарески, как могли, отстранялись от политики, важно было уже то, что они не разделяли свойственную режимному официозу идеологическую риторику и монументальную эстетику.

В условиях «отстраненности от политики» авторы «Бертольдо» следовали формуле «нового юмора», которую предложил Джованни Моска: это «юмор, который учит использовать фантазию, чтобы не обращать внимание на реальность» [Del Vuono, p. 28]. Гуарески усвоил эту формулу не только в журналистике и в карикатурах, но и в применении к своей художественной прозе, которую главами публиковал в «Бертольдо». Отдельными книгами три его повести вышли в 1940–1944 гг. Во всех трех повествование далеко от злобы дня: свою задачу Гуарески-писатель видит в том, чтобы создать реальность, состоящую из самых мирных элементов: семьи, любви, моря, плутовства, кино, нестрашных погонь, отважных контрабандистов, казино, веселого мошенничества, наследств, больших денег, собственных яхт и особняков, преданных слуг и глуповатой полиции. Первая из книг «Открываем Милан» (1941) — это нежно-сентиментальное повествование, развивающееся в полувымышленном Милане, вне конкретного времени и пространства. Вторая («Судьбу зовут Клотильда», 1942) и третья («Муж в колледже», 1943) представляют собой авантюрно-юмористические повести с элементами вестерна, сказки и притчи.

Последняя книга вышла, когда Гуарески был уже в лагере. В сентябре 1943 г., когда Италия заключила перемирие с союзниками, немцы взяли в плен половину итальянской армии (более 1 млн человек) и предложили солдатам и офицерам

подписать согласие служить в армии Итальянской социальной республики или трудиться на благо Третьего Рейха, в противном случае их ожидала депортация и заключение в лагерь. Части интернированных удалось разбежаться, часть подписала согласие, но 600 тыс. человек, и среди них Гуарески, не дали согласия на сотрудничество [Sommauga, p. 30]. Гуарески был депортирован вместе с другими и два года провел в лагерях Ченстохова и Беньяминово в Польше; Сандбостель и Витцендорф — в Германии.

«Белое сопротивление», как назвали это добровольное пленение итальянских военных историки, само по себе не носило ярко выраженного антифашистского характера, скорее, за ним стояли старинные представления о воинской чести и верности присяге. Их не уничтожали, как евреев, цыган и политических заключенных, но мучили голодом, холодом и вшами, а также ежедневной агрессивной пропагандой с целью добиться подписания новой присяги. Для Гуарески идея верности присяге была связана с идеей монархизма. В дневнике, который Гуарески вел в лагере, король ни разу не упоминается, но именно потому, что он выше происходящего: весь гнев направлен на генералов и правительство — король же остается символом верности и единства нации.

В лагере совершился поворот в сознании Гуарески. Переосмысление мироустройства и корректировка системы ценностей хорошо прослеживается по дневнику Гуарески, но также и по другим его текстам, с разных сторон показывающим, как формировалась новая система взглядов.

Возможно, самой важной из ценностей Гуарески, сформированных в лагере, стала «итальянскость». Италия, образ которой был запечатлен в сердце Гуарески еще с «обложки школьной тетради» [Guareschi, 1993, p. 79], воспринятая с младенчества вера в Родину, Страну Чести и Верности Присяге, населенную смешными, иногда глупыми, многословными, хитрыми, ленивыми, но честными и не жестокими людьми, в лагере была утрачена. Это произошло при виде массовой измены (ибо в представлении Гуарески те, кто присоединялись к армии марионеточного государства Муссолини, изменяли своей присяге и своему королю) и пробуждения низменного в человеке.

Так же развеялся миф об итальянцах как о единой нации, готовой на все ради Италии, — миф, созданный и воспетый в эпоху Рисорджименто и в первую мировую войну и как мало что другое питавший душу Гуарески. Теперь итальянцы призывали убивать итальянцев, не понимая и не желая понимать, что происходит с ними, с их сыновьями, мужьями и женихами, с их страной. Размышления об этом были едва ли не более болезненными, чем мысли о голоде: «Бедная Италия. Несчастные итальянцы. Сколько вам еще придется страдать, чтобы стать людьми» [Guareschi, 2008, p. 224]. 17 января 1944 г. Гуарески записал в дневнике: «Я более чем когда-либо уверен, что наша несчастная страна уже сама по себе слишком сильно разделена, а потому подстегивать эти разделения — преступно» [Guareschi, 2008, p. 320].

В этот момент для Гуарески становятся особенно важны общеитальянские мотивы-объединители: военная атрибутика, Гарибальди, Верди, Данте — они отображены в лагерных сентиментальных возвышенных рассказах: белые воротнички морских офицеров в рассказе «Белый воротничок» [Guareschi, 1949, p. 88],

звездочки на военной форме — «Звездочки, которые носим...» [Guareschi, 1949, p. 76], флаг и т. д.

За колючей проволокой Гуарески перестал самоустраняться от серьезных изменений в мире и вообще от серьезного. «Время чистого смеха» закончилось. Несмотря на реальное ограничение свободы перемещения и познания, горизонты Гуарески существенно расширились, изменилось и его отношение к политике.

Гуарески увидел лагерь как логичный результат того, что столько лет итальянцы, а среди них и он сам, не задумывались о происходящем со страной. Даже в самых смешных страницах дневника сквозит чувство вины за случившееся, понимание его природы.

Много и горько пишет Гуарески о молчаливом соучастии режиму: «Тут часто случается, что, завидев свободный стол, человек запрыгивает на него и говорит, обращаясь к толпе. Не важно о чем и как, лишь бы говорить. Видимо, это необходимо, чтобы компенсировать униженное молчание или перешептывание украдкой на протяжении двадцати лет подряд» [Ibid., p. 132]. Осознавая ущербность самоуклонения от политики и видя в этом истинную причину своего заключения, он мечтает, вернувшись, эту позицию изменить: «Политикой придется заниматься. Мы двадцать лет ею не занимались, и за это теперь мы здесь» [Guareschi, 2008, p. 326].

Раньше Гуарески интересовал только микромир, мелкие происшествия каждодневной жизни, смешное в быту, смешное в речи — и то, что над миром, вечное. Его космос состоял из непрерывной цепи повторяющихся мелочей, это был застывший мир вечных чувств и истин. Теперь он открывает для себя сложный мир актуальной реальности, важность злободневного, политического и даже геополитического. Можно сказать, что именно в лагере рождается Гуарески — политический журналист.

В лагере Гуарески впервые познакомился с представителями разных течений, в частности, с коммунистами и выработал по отношению к ним свою позицию: «Коммунизм привлекает многих. Но что такое коммунизм? Всего лишь очередной тоталитарный *-изм*» [Guareschi, 1949, p. 123]. По существу, любой *-изм* видится Гуарески тоталитарным, он не принимает никаких массовых идей и увлечений, полученных без личного усилия: «Истине нельзя научить. Ее нужно открывать, завоевывать, думать, выработать в себе сознание. Не искать того, кто будет думать за вас, кто научит вас быть свободными» [Ibid., p. 146].

В лагере политика «прорезалась» в тексты Гуарески, стала их фоном, основанием и мотором, заставляющим Гуарески размышлять, но она не стала еще тканью текста. Из лагеря Гуарески вынес пока что убеждение, что в современную эпоху политика стала первоочередным фактором в жизни и состоянии человека. В послевоенном мире она должна стать структурообразующим элементом каждой жизни, ибо ничто не может иллюстрировать человеческую доблесть и порок так, как расположение человека по отношению к процессам, происходящим в обществе, а следовательно, политическим процессам.

В лагере, имея наименьшую возможность писать, Гуарески определил и сформулировал свои принципы и задачи на послевоенное время: политическая сатира, активная гражданская позиция.

Вскоре после возвращения из лагеря Гуарески, вместе с Джованни Москкой, основал сатирико-политическую газету «Кандидо». Новое издание, с одной стороны, продолжало традицию «Бертольдо», с другой — качественно от него отличалось. «Кандидо», как и «Бертольдо», был юмористической газетой и сатирой нравов, но он был еще и политической газетой. Текстами и карикатурами Гуарески активно вступил в политические кампании, в том числе национального масштаба: перед референдумом о государственном строе (монархия или республика) 1946 г., перед выборами 1948, 1951 и 1953 гг.

В этот период, после падения фашизма, глубинная переоценка ценностей происходила во всем итальянском обществе. Переосмысляя поражение Италии в войне и фашистское двадцатилетие, культурный слой общества обратился к левым идеям, к коммунистической идеологии. Подготовленное двадцатилетним внедрением фашистской идеологии поколение легко переключилось на противоположную идеологию, тоже ориентированную на массу, готовую жертвовать индивидуальным ради массового, хоть и с другими ориентирами. Вместе с тем была воспринята интернационалистская риторика (которая в это время как раз резко закончилась в СССР).

На этом этапе оказалось неизбежным ценностное расхождение Гуарески с культурной средой. Гуарески декларировал и последовательно провозглашал систему ценностей, которая была противоположна левой части спектра общества и культурного контекста, для него истина — это христианская вера, стояние человека перед Богом, верность Церкви. Но Гуарески был чужд также и правым, во-первых, из-за его монархических взглядов, ставших крайне непопулярными и среди правых после референдума 1946 г., и, во-вторых, из-за его резко антипартийных настроений как таковых.

Не совпадая ни с одной партией, Гуарески посвятил себя политической журналистике. И тут Гуарески тоже занял особое место: его «Кандидо» отличался от всей современной ему журналистики. Отметим наиболее существенные отличия.

Прежде всего, тематика. Вопросы, которые поднимались на страницах «Кандидо», и угол зрения на актуальные политические события и обстановку в Италии и в мире резко противоположны левым и совершенно отличны от правых изданий. Казалось бы, все писали об одном и том же: об устройстве новой Италии, разрухе, борьбе правых и левых за власть, о выборе между монархией и республикой. Однако в сознании Гуарески политика занимала подчиненное место по отношению к этическим и нравственным категориям и смыслам. Гуарески вносил в политические дебаты ценностное видение, придавал сиюминутной борьбе измерение вечного, а подчас и онтологический характер. Именно поэтому получалось так, что он шел наперерез практически всем существовавшим в Италии политическим силам, не меняя позиции, оказывался в оппозиции к противоположным краям политического спектра. Благодаря ценностной ориентации, он не зависел ни от какой политической конъюнктуры и последовательно освещал и анализировал темы и факты, которые замалчивались или опускались другими изданиями. Множественные эпизоды насилия в Северной Италии после переворота 1943 г. с участием армии марионеточной Итальянской социальной

республики, партизанских отрядов и различных бандформирований до конца 1946 г. все стороны конфликта называли Гражданской войной в Италии. Начиная с конца 1946 г. левоориентированные группы отказались от этого термина: он постепенно вышел из употребления и был заменен на Сопротивление, борьбу за освобождение Италии от немецких захватчиков. Происходившие во время войны убийства итальянцами итальянцев, похищения и теракты пресса замалчивала, и только «Кандидо» постоянно публиковал материалы об эпизодах насилия, вне зависимости от их политического контекста. Эти публикации вызывали огромный общественный резонанс.

Еще одна особенность политической журналистики Гуарески — антипартийность. «Кандидо» — самое известное антикоммунистическое издание в послевоенной Италии, однако, каждый раз, как правящая Христианско-демократическая партия злоупотребляла властью, Гуарески тут же яростно ее обличал, не считаясь с последствиями: два его обличительных выступления — карикатура на президента Республики Эйнауди и публикация корреспонденции, приписываемой премьер-министру Де Гаспери, с комментариями — стоили ему двух судебных процессов и полутора лет в одиночной камере. То же касается и церкви: будучи безусловно на стороне традиционных ценностей — монархии и церкви, — Гуарески с большим сарказмом цитировал и комментировал все сообщения о выступлениях священноначалия об отлучении коммунистов от церкви, о запрете их погребения в освященной земле и о том, что всех коммунистов ждет ад.

Не менее важная особенность журналистики Гуарески — ее направленность на практическое созидание. Из многих примеров приведем два.

Первый касается возвращения пленных. Судьба тысяч солдат, не вернувшихся из России, оказалась неинтересна стране: никто не спешил искать могилы погибших и возвращать из лагерей выживших. Ни левая, ни правая пресса не упоминали о них. Даже в парадном обращении Папы к народам России (24.07.1952) не было ни слова об участии итальянских солдат. Практически кампанию по их возвращению, по поиску сведений об их гибели и местах захоронения вел один лишь «Кандидо». Очевидцы свидетельствуют, что незамысловатый плакат «Мама, проголосуй против них за меня», на котором был изображен итальянский солдат за колючей проволокой под знаком пятиконечной звезды, был невероятно эффективным.

Второй пример касается военнопленных, интернированных немцами и вернувшихся из немецких лагерей: они не находили в Италии ни работы, ни места, ни признания. Только Гуарески постоянно свидетельствовал о героизме и трагедии их «Белого сопротивления». Он не только писал о тех, кто вернулся из лагерей, об их проблемах и переживаниях, но через «Кандидо» предпринял большие акции по сбору денег для бывших интернированных. Именно Гуарески итальянская культура обязана сохранением памяти об итальянских военнопленных в немецких лагерях и недавним возрождением интереса к их истории.

Отметим и такую новую черту журналистики Гуарески, как интерактивность, невероятную для того времени: тысячи читателей «Кандидо» составляли своего рода виртуальное информационное агентство «Кандидоинформ» и состояли в переписке с главным редактором.

Гуарески первым откликнулся на интересующие его политические события: о ряде новостей, включая, смерть Сталина, итальянцы впервые узнавали не из новостных изданий, а именно из «Кандидо».

Важная особенность журналистики Гуарески — литературное переосмысление материала. Гуарески излагает события при помощи средств художественных более, чем публицистических, создавая прежде всего образ новости, моделируя ее эмоциональное восприятие.

Не только в журналистике реализовались политические установки Гуарески, но и в послевоенных рассказах, составивших цикл «Малый мир». В первые послевоенные годы политическое противостояние достигло невиданных масштабов, возвращение от Гражданской войны к мирной жизни было болезненным, красный и белый террор унес тысячи жизней. Процесс примирения требовал выработки новой общей почвы. Такой новой почвой стал для Гуарески «малый мир» Италии — это крестьянский мир Эмилии-Романьи (того региона Италии, где красный террор достиг апогея) и в то же время идеальный мир земли, новой земли, которая возвращает Италию к корням, к объединению, единству и миру. Для Гуарески такое возвращение возможно благодаря тому, что он отделяет уровень «политической принадлежности» и «партийного долга» от уровня личного, человеческих взаимоотношений, взаимоотношений с Богом, от уровня личной встречи и человеческого сердца. В рассказах особенно очевидно, что центральной ценностью для Гуарески является личная, индивидуальная совесть в оппозиции к массовому, партийному.

Если в довоенных повестях действие разворачивалось в условном времени и пространстве, и вне политики, то теперь Гуарески сам декларирует в своем предисловии, что мир рассказов «не фотография, но рентген» практически реально существующего места. Сразу же вводится и тема политического напряжения. «Это — итальянская политика с декабря 1946 по декабрь 1947 года. В общем, история одного года итальянской политики» [Гуарески, с. 31]. И действительно, политическое противостояние — коммунисты и католики, Народный Фронт и христианские демократы — лежит в основе почти всех сюжетных линий, а главное, определяет характеры главных персонажей и их взаимоотношения. Пружиной практически всех сюжетов цикла «Малый мир» является политическое противостояние мэра-коммуниста Пеппоне и священника дона Камилло, носителя правых убеждений и ценностей. Хотя дон Камилло и Пеппоне — идейные антагонисты, Гуарески дает им подчеркнуто много параллельных черт. У обоих много прекрасного героического общего в прошлом: оба участвовали в Первой мировой, потом в Сопротивлении, в партизанском отряде; оба имели дело с оружием; оба физически сильны; оба строят козни и хитрят.

О том, насколько образы Пеппоне и дона Камилло имеют одну основу, писали все, кто так или иначе анализировал тексты «Малого мира». Об этом говорит Симонетта Бартолини в статье «Гуарески-романист»: «Считать Пеппоне и дона Камилло двумя отдельными персонажами — заблуждение, ограничивающее наше понимание текста, они являются одним персонажем и это подтверждает сам Гуарески в рисунках, предваряющих главы: у них одни и те же черты лица, одинаковые фигуры; различаются только отличительные маркеры: ангельские

или дьявольские крылья, нимб у одного, хвост — у другого, туника и штаны с рубашкой» [Bartolini, p. 120]. Рисунки указывают, какой именно единый образ хочет создать Гуарески: «Дон Камилло и Пешпоне являют собой две души в одном-единственном персонаже — пережившем войну итальянце, о котором Гуарески рассказывает пережившим войну итальянцам» [Bartolini, p. 120]. Это преодоление политического разделения совершенно не предполагает политического компромисса. Для Гуарески ни в коем случае не равновелики две идеологии или «две веры». Принципиальная позиция автора состоит в том, что практически во всех рассказах «Малого мира» политическая конфронтация завершается торжеством христианских добродетелей. Политические разногласия побеждаются нормальными человеческими качествами, которые не могут не жить в душе обитателей «малого мира», в конкретных ситуациях они часто берут верх над коммунистической идеологией, которую Гуарески считает наносной.

Атмосфера реального страха, которая угадывается в тексте, рассеивается, разбиваясь о человеческое, «индивидуальное», «сентиментальное» и комическое. Даже во время противостояния герои разделяют эмоции друг друга. В одном из рассказов дон Камилло активно выступает против местных левых во время избирательной кампании и получает по спине дубиной поздним вечером. Он не знает, кто его ударил. Голос Христа велит простить. Но обида сидит, как кость в горле. Через некоторое время Пешпоне приходит на исповедь и признается, что это был он. Дон Камилло не может удержаться и, пока Пешпоне читает данную ему епитимью, дает ему большой силы пинок, обоим становится легко на душе.

Именно в рассказах «Малого мира» ярко проявляется самое существенное в отношении Гуарески к политике: она важна для него только как путь к утверждению ценностей, составляющих его этический мир.

Таким образом, политика, составляющая ядро содержания в журналистике автора, в его литературе становится материалом для разговора об этике, критерием нравственной позиции.

Гуарески Дж. Малый мир. Дон Камилло. М., 2012. 384 с. [Guareski Dzh. Malyj mir. Don Kamillo. M., 2012. 384 s.]

Bartolini S. Guareschi romanziere // Atti del convegno “Guareschi, un “Candido” nell’Italia Provvisoria”. Roma, 1998. 195 p.

Del Buono O. Amici, Amici degli Amici, Maestri. Milano, 1996. 180 p.

Guareschi G. Medico di turno // Corriere Emiliano. 1934. 5 ottobre.

Guareschi G. Diario clandestino. Milano, 1949. 212 p.

Guareschi G. Chi sogna nuovi gerani? Autobiografia. Milano, 1993. 680 p.

Guareschi G. Il grande diario. Giovannino cronista del lager 1943–1945, a cura di A. e C. Guareschi. Milano, 2008. 569 p.

Sommaruga C. Dati quantitativi sull’Internamento in Germania // Bendotti A., Valtulina E. Internati, prigionieri, reduci. La deportazione militare durante la seconda guerra mondiale (= Studi e ricerche di storia contemporanea. Anno XXVIII. N. 51. 1999).

Статья поступила в редакцию 14.07.2014 г.